
«ФИЛОСОФИЯ ПРАВА»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Философия права» Гегеля (1770—1831) — одна из наиболее знаменитых работ во всей истории правовой, политической и социальной мысли. Она заметно выделяется даже в историческом ряду таких классических трудов по политической и правовой философии, как «Государство» и «Законы» Платона, «Политика» Аристотеля, «О государстве» и «О законах» Цицерона, «Государь» Макиавелли, «Левиафан» Гоббса, «Политический трактат» Спинозы, «О духе законов» Монтескье, «Об общественном договоре» Руссо, «Метафизические начала учения о праве» Канта, «Основы естественного права» Фихте и т. д. Последующая — вплоть до современности — историческая судьба этого гегелевского произведения убедительно продемонстрировала его непреходящее значение.

«Философия права» представляет собой синтез философских и политico-правовых исследований Гегеля на протяжении ряда десятилетий.

Вопросы общества, политики, государства, права, законодательства постоянно привлекали внимание Гегеля. Уже в студенческие годы (1788—1793) он занят творческим освоением и осмыслением достижений предшествующей политической и правовой философии (и прежде всего взглядов Платона, Аристотеля, Руссо, Канта, представителей французского и немецкого Просвещения), итогов всемирной политической истории (истории и значения античного полиса, связей христианства и государства, идей и результатов французской революции и т. д.) Это нашло отражение в таких его ранних работах, как «Народная религия и христианство» (1792—1795), «Позитивность христианской религии» (1795—1796), письма к Шеллингу (Бернский период), «Первая программа системы немецкого идеализма» (1796), «О внутренних отношениях в Бюртемберге» (1798) и др.

Большое влияние на взгляды Гегеля оказала Французская революция — главное всемирно-историческое событие той эпохи. Антифеодальный и антидеспотический

характер этой революции, ее первые шаги, идеи 1789 г. вызвали восторг и восхищение молодого Гегеля. Вместе с тем для него характерно уже в эти годы резко отрицательное отношение к последующим этапам развития французской революции, к якобинскому террору. Такой подход к французской революции в принципе характерен для Гегеля и в последующие годы.

Политико-правовой проблематике была посвящена первая публикация Гегеля в 1798 г.— перевод и комментарий к работе швейцарского адвоката Ж. Карта, представлявшей собой критику бернской олигархии¹. В своих комментариях молодой Гегель остро критикует деспотический произвол и беззаконие в деятельности бернских властей, форму правления, не основанную на конституции, принципе разделения властей, гражданских законах.

Ряд существенных аспектов гегелевской концепции философии государства и права разработан в сочинениях «Конституция Германии» (1798—1802)² и «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» (1802—1803)³.

В «Системе нравственности» (1802—1803)⁴ тематика будущей гегелевской философии права раскрывается в процессе философского исследования понятия нравственности, которое трактуется как синтез своих составных моментов (абстрактной личности, семьи, морали).

Поиски места философско-правовой тематики в рамках философской системы отражены в произведении «Йенская реальная философия» (1805—1806)⁵, где политико-правовые проблемы отнесены к разделу «Философия духа» и освещаются в рубриках: «Субъективный дух» (проблема воли), «Действительный дух» (вопросы договора, преступления и наказания, закона), «Конституция» (сословный строй общества, правительство, государство и церковь). В разделе о духе исследуется «нравственность» (вся социальная и политико-правовая тематика, которая отражена в «Феноменологии духа» (1807))⁶.

¹ См.: Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 54—64.

² См. там же. С. 65—184.

³ См. там же. С. 185—275.

⁴ См. там же. С. 276—367.

⁵ См.: Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 1. М., 1970. С. 285—385.

⁶ См.: Гегель. Система наук. Ч. I: Феноменология духа. М., 1959. С. 233—361.

Существенное значение для формирования гегелевской концепции философии права имели как содержащиеся в «Феноменологии духа» положения о роли и месте понятия в методологии гегелевской философии, так и развитие их в «Науке логики» (1812—1816), где содержится обоснование диалектики в качестве универсального и абсолютного метода познания, раскрывается логика спекулятивного подхода в виде диалектического постижения противоположностей в их единстве, освещается процесс диалектического движения понятия, его имманентного развития, восхождения от абстрактного к конкретному и т. д.⁷ Эти методологические положения лежат в основе гегелевской разработки понятия права в рамках философии права как составной части философской системы и особой философской дисциплины.

Большой круг проблем общества, государства, политики и права освещен в ряде других произведений Гегеля: в «Философской пропедевтике» (1808—1811)⁸, «Отчетах сословного собрания королевства Бюргемберг» (1817)⁹. Тематически они предвосхищают то, что в более сжатом виде изложено в соответствующих разделах последующей «Философии права».

В почти завершенном виде основные идеи и положения гегелевского философского учения об обществе, государстве и праве содержатся в «Философии духа» — третьей части «Энциклопедии философских наук» (1817). Здесь раздел «Объективный дух» (право, моральность, нравственность), расположенный между разделами о субъективном духе и абсолютном духе, фактически представляет собой сжатый энциклопедический вариант уже по существу сформировавшейся концепции философии права¹⁰.

Различные лекционные варианты философии права Гегеля сохранились в записях студентов, когда в качестве профессора Гейдельбергского университета в 1817/18 году философ прочел курс лекций под названием «Естественное право и наука о государстве», а с переходом в 1818 г. в Берлинский университет читал курс лекций под различными наименованиями: «Основания естествен-

⁷ Подробнее см.: Малинин В. А. Диалектика Гегеля и антигегельянство. М., 1983; Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984.

⁸ См.: Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. 1971. С. 5—209.

⁹ См. там же. Т. 1. С. 427—562.

¹⁰ См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М., 1977. С. 326—381.

ного права и науки о государстве», «Естественное и государственное право или философия права» на протяжении ряда лет до конца жизни. Как «руководство к лекциям по философии права»¹¹ Гегель характеризует и саму «Философию права» — итог многолетних неустанных исследований.

Философско-правовая проблематика остается в центре внимания Гегеля и после выхода в свет «Философии права». Об этом свидетельствуют его заметки к тексту изданной книги, лекции по данному предмету, последняя была прочитана 11 ноября 1831 г., т. е. за три дня до смерти философа, которая последовала 14 ноября 1831 г.

Многие проблемы философско-правового профиля освещались Гегелем и в ряде других лекционных курсов, в частности в лекциях по истории философии, эстетике, философии религии и философии истории. Примечательно, что вся всемирная история трактуется им под философско-правовым углом зрения — как прогресс в сознании свободы и ее объективации в политico-правовых формах и институтах¹².

Для стойкого интереса Гегеля к политico-правовой проблематике весьма знаменательно, что и первое сочинение философа и последнее — «Английский билль о реформе 1831 г.» были посвящены политической тематике.

В «Философии права» в концептуально-концентрированной форме отражены достижения гегелевской философской мысли в области социальных, политических и правовых проблем, сильные и слабые моменты его диалектики в области политики.

* * *

«Философия права», представляющая собой, согласно гегелевской концепции, философскую науку о праве, является «частью философии»¹³, а именно той частью, которая принадлежит философии объективного духа.

В «Философии права» как составной части системы гегелевской философии¹⁴ развитие объективного духа

¹¹ Наст. изд. С. 44.

¹² См.: Гегель. Философия истории. М.; Л., 1935. С. 98—99, 102 и сл.

¹³ Наст. изд. С. 60.

¹⁴ Необоснованным является положение М. Г. Галлера о том, что политическая философия Гегеля, лишенная какой-либо завершенной концепции и представляющая собой несистематизированный проект, находится вне гегелевской системы философии (см.: Haller M. System und Gesellschaft. Krise und Kritik der politischen Philosophie Hegels. Stuttgart, 1981. S. 28 etc.).

дается через раскрытие диалектического движения понятия права от его абстрактных форм до конкретных — от абстрактного права к моральности, а затем к нравственности (семье, гражданскому обществу и государству).

В общей гегелевской схеме развития духа объективный дух — это этап в самопознании, и именно поэтому общество, государство, право и все относящееся к сфере объективного духа в «Философии права» исследуется и трактуется с позиции абсолютного духа (т. е. с философской точки зрения).

В утверждении о том, что со ступени объективного духа начинается проблематика философии права, Гегель ссылается на анализ всего предшествующего развития духа. Философия права в качестве части философии имеет «определенную исходную точку, которая есть результат истина того, что ей предшествует и что составляет ее так называемое доказательство. Поэтому понятие права по своему становлению трактуется вне науки права, его дедукция предполагается здесь уже имеющейся и его следует принимать как данное»¹⁵.

Гегель, располагая таким дедуктивно полученным понятием права в соответствии с основными посылками своей диалектики, прослеживает осуществление этого понятия в действительности. Поскольку же осуществление, реализация понятия в действительности, по Гегелю, есть идея, поскольку предметом гегелевской философии права оказывается идея права. «Философская наука о праве,— отмечает Гегель,— имеет своим предметом идею права — понятие права и его осуществление»¹⁶. Идея права, которая и есть свобода, по замыслу и исполнению Гегеля, развертывается в мир права, и сфера объективного духа предстает как идеальная правовая действительность — объективация форм права и свободы.

Понятия права и свободы, как исходные моменты и содержание объективного духа, подготовлены в недрах и ходе развития субъективного духа — в этом смысле гегелевской отсылки к предшествующим разделам своей системы философии. Целостное освещение различных ступеней духа дано Гегелем в «Философии духа». Субстанция, сущность духа есть, по Гегелю, свобода. Субъективный дух свободен лишь в отношении к себе, в отношении же к некоему другому он еще не свободен; это, по Гегелю, означает, что

---

¹⁵ Наст. изд. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 59.

субъективный дух свободен в себе, но не для себя. Когда же дух свободен не только в себе, но и для себя — это объективный дух, тут свобода приобретает впервые форму объективной реальности, форму наличного бытия. Дух выходит из формы своей субъективности, познает и приобретает внешнюю реальность своей свободы: «...объективность духа входит в свои права»¹⁷

Идея права как предмет философии права означает единство понятия права и наличного бытия права, получаемого в ходе осуществления, объектизации понятия права. Для понимания права важны как момент саморазвивающегося понятия права, так и система наличных определений права, которая получается в ходе осуществления понятия. «Структура, которую понятие сообщает себе в процессе своего осуществления,— отмечает Гегель,— есть другой существенный для познания самого понятия момент идеи, отличный от формы, которая есть только понятие»¹⁸.

Свою концепцию философии права Гегель разрабатывает и трактует именно как философскую науку о праве, отличную от юриспруденции, которая, занимаясь позитивным правом (законодательством), имеет дело, по его характеристике, лишь с противоречиями¹⁹. Задача философии права, по Гегелю, состоит в постижении мыслей, лежащих в основании права, а подлинная мысль о праве есть его понятие, диалектика которого и раскрывается в «Философии права»²⁰. Этой понятийной трактовкой права «Философия права», содержащая систему объективных формообразований, которые получаются в процессе саморазвертывания понятия права при диалектическом его восхождении от абстрактного к конкретному, отличается от всех других произведений Гегеля, где в той или иной мере и форме также затрагивается тематика права и объективного духа.

Так, в «Феноменологии духа», где освещается нравственность (право, мораль, государство, война и т. д.), нет понятийного рассмотрения затрагиваемых объектов, но

¹⁷ См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. С. 32—34.

¹⁸ Наст. изд. С. 59.

¹⁹ В дальнейшем, особенно в XX в., наблюдается тенденция перемещения философии права из сферы философских дисциплин в сферу юридических наук, и в настоящее время многие концепции философии права разработаны в рамках юриспруденции. Разработка философии права в виде самостоятельной юридической дисциплины, разумеется, не означает ее разрыва с философией.

²⁰ Fulda H. F. Das Recht der Philosophie in Hegels Philosophie des Rechts. Frankfurt am Main, 1968.

есть лишь путь являющегося и развивающегося сознания в направлении к понятию, тогда как в научной системе философии (начиная с «Науки логики» и включая «Философию права») речь идет именно о диалектическом движении понятия.

В «Феноменологии духа» Гегель показывает «путь» постижения духом своего понятия; дальнейшее развертывание духа есть собственно философская наука в ее гегелевском понимании. Итак, значение всей «Феноменологии духа» в ее отношении к системе гегелевской философии состоит в обосновании понятия как специфического инструмента философского анализа. Без уяснения особого смысла категории «понятие» вообще невозможно понять ни один из разделов гегелевской системы философии, в том числе и «философию права».

Продолжая намеченное в «Феноменологии духа», Гегель в «Науке логики» освещает абсолютный метод познания, раскрывает диалектическое движение понятия. На этом пути философия, по мысли Гегеля, предстает как объективная, показательная наука. Хотя в «Науке логики» речь идет о диалектике понятия вообще (а не понятия права), однако это произведение имеет не только специальный логико-философский, гносеологический, но и общесоциальный смысл. Суть дела, конечно, не в отдельных проницательных и исторически прогрессивных суждениях по политico-правовым вопросам, содержащихся в этой работе. В обоснованной здесь концепции диалектического развития резюмированы воззрения не только Гегеля-философа, но и Гегеля-исследователя социально-политической, правовой, этической и исторической проблематики. Разрабатывая свою теорию диалектики, Гегель исходит из идеи единства диалектической логики для всех сфер духа: для общества, государства, права, политики, законодательства, человеческой жизни, всемирной истории. Логическое изображение, подчеркивает Гегель, есть «всеобщий способ, в котором все отдельные способы сняты и заключены»²¹. Абсолютность диалектического метода Гегель видит в том, что ни один объект (в том числе государственно-правовая сфера и тематика) не может оказать ему (методу) сопротивления.

Философия, поясняет Гегель в «Науке логики», есть «наивысший способ постижения абсолютной идеи, потому что ее способ наивысший — понятие»²². Абсолютная идея

²¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972. С. 289.

²² Там же.

как «единственный предмет и содержание философии» имеет «разные формообразования», по Гегелю, и философское постижение «самоопределения и обособления» абсолютной идеи — «задача отдельных философских наук»²³. Такой «отдельной философской наукой» является наряду с «философией истории», «философией религии», «историей философии» и т. д. также и «философия права».

Философский подход Гегеля к сфере объективного духа (общество, государство, право, политика и т. д.) предполагает реализацию принципов, моделей и правил его диалектики в данной предметной области исследования, поскольку «сам метод расширяется в систему»²⁴. Несмотря на специфику и особенности объектов рассмотрения, «осо-бененные философские науки», в том числе и философия права, не имеют, по Гегелю, своих специфических методов исследования.

Постановка и решение Гегелем вопроса о предмете и методе философии права опирается на диалектику в ее спекулятивно-идеалистической форме, метод предопределяет понятийный характер предмета исследования и по существу не исследует объект, а конструирует, создает его, предмет же исследования сводится к понятийному аппарату метода. Собственно тождество предмета и метода (от исходного момента до развертывания в целостную систему) гегелевской философии права означает равенство их понятийного содержания.

Специфическая диалектика политico-правовой сферы и гегелевской философии права проявляется окольным путем. То, что Гегелем обозначается в качестве ступени объективного духа, есть особая сфера со своим смыслом и содержанием. В силу этого логико-гносеологический смысл понятий и закономерностей их движения, из которого сознательно исходит Гегель, в ходе исследования права, государства, политики неизбежно трансформируется и приобретает иные, новые характеристики и значения, обусловленные своеобразием исследуемого материала, специфическим содержанием и собственной логикой предмета рассмотрения. Очевидно, что без подобной трансформации, добавляющей нечто новое, специфическое к «духу логики», без своеобразной «политизации» логики гегелевская философия права представляла бы интерес лишь для логики, но не для наук о государстве, праве, политике. Вся гегелев-

---

²³ Там же. С. 288—289.

²⁴ Там же. С. 304.

ская работа по диалектико-логической конструкции мира объективного духа (развитие идеи права, развертывание понятия права в мир права) сопровождается социально-политической и этически значимой трансформацией применяемого Гегелем понятийного аппарата диалектического исследования.

В процессе обоснования Гегелем исторически определенных и конкретных политico-правовых взглядов в «Философии права» обнаруживаются политический смысл и значение самой диалектики в ее применении к проблематике государства, права. Это политическое значение диалектики есть то принципиально новое, что мы узнаем о ней в «Философии права» по сравнению с «Наукой логики».

Представляется поэтому правомерным выделить в структуре политico-правового содержания гегелевской философии права два компонента: а) конкретно-исторический компонент — исторически конкретные политические и правовые взгляды, развитые Гегелем в «Философии права», и б) теоретический компонент — совокупность политически значимых концептуальных положений, вытекающих из гегелевского применения диалектики к сфере политики.

В области философии права диалектический метод развертывается в систему теоретических конструкций, с помощью которых обосновываются определенные политico-правовые взгляды. Для самого Гегеля конкретно-исторический и теоретический элементы структуры политического содержания «Философии права» даны в неразрывном тождестве, т. е. применение понятийного аппарата диалектики тождественно развитию и выражению определенной социальной и политico-правовой позиции. Однако для существа дела — понимания и трактовки проблем личности, общества, государства, права, свободы — способ подхода далеко не безразличен, что обнаруживается в дополнительном (к конкретно-историческим взглядам) политическом и этическом значении гегелевских теоретических конструкций и возможных отсюда выводах.

Так, исторически конкретные и определенные взгляды на общество, государство и право, развитые в «Философии права», свидетельствуют со всей очевидностью о буржуазном характере социально-политической позиции Гегеля. Однако сами по себе исторически конкретные политические и правовые взгляды, разделяемые и обосновываемые Гегелем в «Философии права», не являлись, конечно, его логико-философским изобретением и в те времена были

широко известны хотя бы по практическому и теоретическому опыту французов и англичан.

Специфика политico-правового содержания доктрины Гегеля обусловлена его трактовкой диалектики в сфере объективного духа. Сам Гегель, говоря о своеобразии собственного философского рассмотрения проблем права и государства, в «Философии права» акцентировал внимание на теоретико-концептуальной стороне своего политico-правового учения. «Мысля идею государства,— подчеркивает он,— надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога»²⁵

В «Философии права» отчетливо видно, как кажущийся первоначально политически нейтральным понятийный аппарат все более наполняется политico-этическим смыслом, обозначая определенную политическую и этическую позицию. Понятие права самоуглубляется и движется от абстрактного к наивысшему, т. е. к конкретно истинному. В ходе этого движения абстрактные формы обнаруживают свою несостоительность и как неподлинные и неистинные «снимаются». В плане политических и этических результатов гегелевского применения диалектики это означает превращение процедуры и схемы движения понятия права в табель о политических рангах субъектов общественной и государственно-правовой жизни. В логико-диалектических формах и процедурах конкретизации понятия в гегелевской философии права решаются политические судьбы. Инчество, семья, общество, государство — это не только последовательность предметов исследования, но и шкала их реальной ценности, объективной значимости в диалектически иерархизированной политической и правовой жизни.

Теоретические конструкции гегелевской философии права — концепция разумной действительности, понимание и изображение процесса общественно-политической жизни в виде торжества конкретного (всеобщего и целостного) над его составными частями и абстрактными моментами, методология и приемы конкретизации понятия права, реализация свободы в иерархический ряд прав, трактовка государства как истины и цели всего объективно-духовного развития и т. п.— несут весьма существенную, политически значимую нагрузку во всей гегелевской философии права. С этими конструкциями связаны, в частности,

---

²⁵ Наст. изд. С. 284.

различные аспекты антидемократичности, антииндивидуализма, конформизма, некритичности, свойственные гегелевской диалектике в сфере политики.

Для Гегеля задача философии вообще — постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум. В соответствии с этим и задачу философии права философ видит в том, чтобы «постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе». В качестве философского сочинения она должна быть дальше всего от того, чтобы конструировать государство таким, каким оно должно быть; содержащееся в нем поучение не может быть направлено на то, чтобы поучать государство, каким ему следует быть; его цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано»²⁶.

В учении об объективном духе основополагающая для гегелевской философии идея тождества мышления и бытия преломляется в тезис о тождестве разумного и действительного: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно»²⁷.

Анализируя это знаменитое положение из Предисловия к гегелевской «Философии права», Ф. Энгельс отмечал, что ни одно другое философское положение «не было предметом такой признательности со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов...»²⁸. В этом положении видели оправдание деспотизма и произвола, философское освящение существовавших в тогдашней Пруссии отношений, норм и институтов, раболепие перед властью имущими и прочие «грехи», связанные с апологией сложившегося порядка с присущими ему недостатками.

Отвергая подобные оценки и интерпретации, Ф. Энгельс писал: «Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью; а все, что есть в человеческих головах разумного, предназначено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей каждой действительности. По всем правилам гегелевского метода мышления тезис о разумности

²⁶ Наст. изд. С. 54—55.

²⁷ Там же. С. 53.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 274.

всего действительного превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует»²⁹.

Известно, что «действительность», согласно Гегелю, — это не просто «существование», а такое существование, которое обладает свойством необходимости (и, следовательно, также и разумности), что действительность — это единство сущности и существования. В очередном издании своей «Энциклопедии философских наук», появившемся после публикации «Философии права», Гегель счел необходимым специально остановиться на вызвавшем большие споры положении о разумности действительности и подчеркнуть различие между действительностью и существованием. Он, в частности, писал: «Когда я говорил о действительности, то в обязанность критиков входило подумать, в каком смысле я употребляю это выражение, так как в подробно написанной «Логике» я рассматриваю также и действительность и отличаю ее не только от случайного, которое ведь тоже обладает существованием, но также и от наличного бытия, существования и других определений»³⁰.

Большой интерес представляют записи и свидетельства по данному вопросу слушателей гегелевских лекций по философии права. Г. Гейне, бывший в молодые годы студентом Гегеля и слушавший его лекции по философии права, сообщает, что в связи с как-то высказанным им Гегелю недовольством по поводу слов о том, что «все, что есть, разумно», философ улыбнулся и заметил, что это могло бы звучать и так: «Все, что разумно, должно быть»³¹. Раньше полагали, что у Гейне речь идет скорее о его собственной революционной интерпретации гегелевского положения, нежели о реально имевшем место случае и факте. Однако новые публикации подтвердили достоверность информации Гейне³²: в ряде лекционных записей знаменитое положение Гегеля выражено прямо «по Гейне» или близко к той интерпретации, которую давал Ф. Энгельс³³.

²⁹ Там же. С. 275.

³⁰ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974. С. 90.

³¹ См.: Heine H. Sämtliche Werke. Bd 6. Leipzig, 1890. S. 535.

³² См.: Гулыга А. Гейне оказался прав // Коммунист. 1983. № 18. С. 108—109.

³³ См.: Hegel G. W. F. Vorlesungen über Naturrecht und Staatswissenschaft. Heidelberg 1817/18, mit Nachträgen der Vorlesung 1818/19. Hamburg, 1983. S. 157; Hegel G. W. F. Die Philosophie des Rechts. Die Mitschriften Wannenmann (Heidelberg 1817/18) und Homeyer (Berlin 1818/19). Stuttgart, 1983. S. 29, 206.

Интересная формулировка встречается в лекционных записях, относящихся к 1819/20 учебному году: «Что действительно, то разумно. Но не все, что существует действительно...»³⁴

Эти и некоторые другие положения, содержащиеся в гегелевских лекциях, но не попавшие в текст «Философии права», свидетельствуют о том, что Гегель затрагивал и некоторые революционно-критические аспекты диалектики и в кругу своих студентов формулировал порой довольно радикальные положения и выводы³⁵.

* * *

Своеобразие философии права Гегеля наряду с принципиальными особенностями его диалектического метода во многом обусловлено и той спецификой, которая присуща его концепции и правопонимания.

Право, по Гегелю, состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Диалектика этой воли совпадает с философским конструированием системы права как царства реализованной свободы. Свобода, по Гегелю, составляет субстанцию и основное определение воли. В том, что свободно, и есть наличие воли, так как мышление и воля в гегелевской философии отличаются друг от друга не как две различные способности, а лишь как два способа — теоретический и практический — одной и той же способности мышления.

Понятие «право» употребляется в гегелевской философии права в следующих основных значениях: I) право как свобода (идея права), II) право как определенная ступень и форма свободы (особое право), III) право как закон (позитивное право).

I. На ступени объективного духа, где все развитие определяется идеей свободы, «свобода» и «право» выра-

³⁴ Hegel. Philosophie des Rechts. Die Vorlesung von 1819/20 in einer Nachschrift. Frankfurt am Main, 1983. S. 51. Предисловие к этим лекциям по философии права, содержащее данную формулировку, включено в настоящее издание и дано в Приложении (с. 379).

³⁵ Относительно имеющихся в записях гегелевских лекций по философии права радикально звучащих положений о соотношении разумного и действительного К. Ильтинг заметил, что оправдание наличного было лишь личиной «приспособления», которая оставалась «школьной тайной» гегелевской школы до публикации этих лекционных записей (см.: Itting K. H. Einleitung des Herausgebers // Hegel G. W. F. Die Philosophie des Rechts. Die Mitschriften Wannenmann (Heidelberg 1817/18) und Homeyer (Berlin 1818/19). Stuttgart, 1983. S. 34).

жают единый смысл; в этом отношении гегелевская философия права могла бы называться «философией свободы». Отношения «свободы» и «права» опосредуются через диалектику свободной воли.

II. Система права как царство реализованной свободы представляет собой иерархию особых прав (от абстрактных форм до конкретных). Каждая ступень самоуглубления идей свободы и, следовательно, конкретизации понятия права есть определенное наличное бытие свободы (свободной воли), а значит, и особое право. Подобная характеристика относится к абстрактному праву, морали, семье, обществу и государству. Эти «особые права» даны исторически и хронологически одновременно (в рамках одной формации объективного духа), они ограничены, соподчинены и могут вступать во взаимные коллизии. Последующее «особое право», диалектически «снимающее» предыдущее, более абстрактное «особое право», представляет его основание и истину. Более конкретное «особое право» первичнее и сильнее более абстрактного.

На вершине иерархии «особых прав» стоит право государства, над которым возвышается лишь право мирового духа. Поскольку в реальной действительности «особые права» всех ступеней (личности, ее совести, преступника, семьи, общества, государства) даны одновременно и, следовательно, в актуальной или потенциальной коллизии, постольку, по гегелевской схеме, окончательно истинно лишь право вышестоящей ступени.

III. Право как закон (позитивное право) является одним из «особых прав». Гегель пишет: «То, что есть право *в себе, положено* в его объективном наличном бытии, т. е. определено для сознания мыслью и известно как то, что есть и признано правом, как закон; посредством этого определения право есть вообще позитивное право»³⁶

Превращение права в себе в закон путем законодательства придает праву форму всеобщности и подлинной определенности. Предметом законодательства могут быть лишь внешние стороны человеческих отношений, но не их внутренняя сфера.

Различая право и закон, Гегель в то же время стремится в своей конструкции исключить их противопоставление. Как крупное недоразумение расценивает он превращение различия между естественным или философским

---

³⁶ Наст. изд. С. 247.

правом и позитивным правом в противоположность и противоречие между ними³⁷

Гегель признает, что содержание права может быть искажено в процессе законодательства, поэтому не все данное в форме закона есть право. Однако в гегелевской философии права речь идет не о противопоставлении права и закона, а лишь о внутреннем различии определений одного и того же понятия права на разных ступенях его конкретизации. «То обстоятельство, что насилие и тирания могут быть элементом позитивного права,— подчеркивает он,— является для него чем-то случайным и не затрагивает его природу»³⁸. По своему определению позитивное право как ступень самого понятия права разумно. Закон (по понятию) — это конкретная форма выражения права. Отстаивая такой правовой закон (законы права), Гегель вместе с тем отвергает противоправный закон, антиправовое законодательство, т. е. позитивное право, не соответствующее понятию права вообще.

Специфика философии права Гегеля проявляется себя не в развертывании признаваемого им принципа различия права и закона в некую независимо от позитивного права действующую и ему критически противостоящую систему естественного права³⁹. Напротив, Гегель стремится доказать неистинность и недействительность такой трактовки различия права и закона.

Поскольку предметом гегелевского философского рассмотрения является лишь идеальное, постольку право и закон как развитые формообразования объективного духа едини по своей идеальной природе. Имея дело в философии права лишь с этой идеальной плоскостью развитого (т. е. соответствующего их понятию) права и закона, Гегель в принципе оставляет вне границ философского анализа все остальные случаи и ситуации соотношения права и закона как еще не достигшего идеи свободы. Иначе говоря, вне гегелевской философии права остаются центральная

³⁷ Наст. изд. С. 62.

³⁸ Там же.

³⁹ О естественноправовых воззрениях Гегеля см.: Bobbio N. Hegel und Naturrechtslehre // Hegel in der Sicht der neuren Forschung. Darmstadt, 1973. S. 219—321; Heiss R. Die grossen Dialektiker des 19. Jahrhunderts. Hegel, Kierkegaard, Marx. Köln, 1963. S. 170 etc.; Lopez-Calera N. Empirismus und Formalismus in der Naturrechtslehre nach Hegel // Hegel — Jahrbuch. Meisenheim am Glan, 1968. S. 106 etc.; Welzel H. Naturrecht und materiale Gerechtigkeit. Göttingen, 1980. S. 174 etc.; Bourgeois B. Le droit naturel de Hegel (1802—1803). Commentaire. Paris, 1986.

тема, излюбленные мотивы и основной пафос прежних естественноправовых доктрин.

Признавая заслугу Монтескье в выделении исторического элемента в положительном праве, Гегель вслед за ним утверждает, что в законах отражаются национальный характер данного народа, ступень его исторического развития, естественные условия его жизни. Но Гегель вместе с тем отмечает, что чисто историческое исследование и сравнительно-историческое познание отличаются от философского способа рассмотрения, находятся вне его. Те или иные обстоятельства исторического развития права и государства не относятся непосредственно к их сущности. Исторический материал, не будучи сам по себе философски-разумным, приобретает в гегелевской концепции философское значение лишь тогда, когда он раскрывается как момент развития философского понятия.

С этих позиций Гегель резко критикует взгляды теоретиков исторической школы права и защитника реставраторских идей К. фон Галлера, отмечая отсутствие у них точки зрения разума.

В гегелевском учении тремя главными формообразованиями свободной воли и соответственно тремя основными уровнями развития понятия права являются: абстрактное право, мораль и нравственность. Учение об абстрактном праве включает в себя проблематику собственности, договора и неправды; учение о морали — умысел и вину, намерение и благо, добро и совесть; учение о нравственности — семью, гражданское общество и государство.

Абстрактное право представляет собой первую ступень в движении понятия права от абстрактного к конкретному. Это — право абстрактно свободной личности. Абстрактное право имеет тот смысл, что вообще в основе права лежит свобода отдельного человека (лица, личности). Личность, по Гегелю, подразумевает вообще *правоспособность*. Абстрактное право представляет собой абстракцию и голую возможность всех последующих более конкретных определений права и свободы. На этой стадии позитивный закон еще не обнаружил себя, его эквивалентом является формальная правовая заповедь: «...будь лицом и уважай других в качестве лиц»⁴⁰.

Свою реализацию свобода личности прежде всего находит, по Гегелю, в праве частной собственности. Гегель обосновывает формальное, правовое равенство людей: люди

---

⁴⁰ Наст. изд. С. 98.

равны именно как свободные личности, равны в их одинаковом праве на частную собственность, но не в размере владения собственностью. С этих позиций он критикует как проект идеального государства Платона, так и различного рода иные требования обобществления имущества и установления фактического равенства. Свое понимание свободы и права Гегель направляет также против рабства и крепостничества. Отчуждение личной свободы, правоспособности, моральности, религиозности несправедливо и подлежит преодолению. «В природе вещей,— отмечает Гегель,— заключается, что раб имеет абсолютное право освободиться...»⁴¹

Необходимым моментом в осуществлении разума является, по Гегелю, договор, в котором друг другу противостоят самостоятельные лица — владельцы частной собственности. Предметом договора может быть лишь некоторая единичная внешняя вещь, которая только и может быть произвольно отчуждена ее собственником. Поэтому Гегель отвергает взгляд Канта на брак как на договор, а также различные версии договорной теории государства. Договор исходит из произвола отдельных лиц. Всеобщее же, представленное в нравственности и государстве, не есть результат произвола объединенных в государство лиц. «Принесение договорного отношения, так же как и отношений частной собственности вообще, в государственное отношение привело к величайшей путанице в государственном праве и действительности»⁴².

Следующим моментом учения об абстрактном праве являются гегелевские суждения о неправде (простодушная неправда, обман, принуждение и преступление).

Преступление — это сознательное нарушение права как права, и наказание поэтому является, по Гегелю, не только средством восстановления нарушенного права, но и правом самого преступника, заложенным уже в его деянии — поступке свободной личности. Снятие преступления через наказание приводит, по гегелевской схеме конкретизации понятия права, к морали⁴³. На этой ступени, когда личность абстрактного права становится *субъектом* свободной воли, впервые приобретают значение мотивы и цели поступков субъекта. Требование субъективной свободы со-

⁴¹ Наст. изд. С. 122.

⁴² Наст. изд. С. 129.

⁴³ См.: Baermann R. A. Sittlichkeit und Verbrechen bei Hegel. Frankfurt am Main, 1980.

стоит в том, чтобы о человеке судили по его самоопределению. Лишь в поступке субъективная воля достигает объективности и, следовательно, сферы действия закона; сама же по себе моральная воля ненаказуема.

Абстрактное право и мораль являются двумя односторонними моментами, которые приобретают свою действительность и конкретность в нравственности, когда понятие свободы объективируется в наличном мире в виде семьи⁴⁴, гражданского общества и государства.

Гегель различает гражданское общество и политическое государство. «Гражданское общество,— пишет Гегель,— создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право»⁴⁵. Гражданское общество — сфера реализации особых, частных целей и интересов отдельной личности. С точки зрения развития понятия права это необходимый этап, так как здесь демонстрируются взаимосвязь и взаимообусловленность особенного и всеобщего. Развитость идеи предполагает, по Гегелю, достижение такого единства, в рамках которого противоположности разума, в частности моменты особенности и всеобщности, свобода частного лица и целого, признаны и развернуты в их мощи. Этого не было ни в античных государствах, ни в платоновском идеальном государстве, где самостоятельное развитие особенности (свобода отдельного лица) воспринималось как порча нравов и предвестник гибели нравственного целого — государства, ни при феодализме.

На ступени гражданского общества, по схеме Гегеля, еще не достигнута подлинная свобода, так как стихия столкновений частных интересов ограничивается необходимой властью всеобщего не разумно, а внешним и случайным образом. Гегель изображает гражданское общество как раздираемое противоречивыми интересами антагонистическое общество, как войну всех против всех. Тремя основными моментами гражданского общества, по Гегелю, являются: система потребностей, отправление правосудия, полиция и корпорация. В структуре гражданского общества Гегель выделяет три сословия: 1) субстанциальное (землевладельцы — дворяне и крестьяне); 2) промышленное (фабриканты, торговцы, ремесленники); 3) всеобщее (чиновники). Освещая социально-экономическую проблематику,

⁴⁴ См.: Weber M. Zur Theorie der Familie in der Rechtsphilosophie Hegels. Berlin (West), 1986.

⁴⁵ Наст. изд. С. 228.

Гегель признает, что даже при чрезмерном богатстве гражданское общество не в состоянии бороться с чрезмерной бедностью и возникновением черни, под которой он имеет в виду пауперизированную часть населения, и, исходя лишь из своих внутренних возможностей, решить проблему бедности. Диалектика внутренних противоречий заставляет общество выйти за свои границы в поисках новых возможностей в международной торговле и в колонизации. К современным формам колонизации, приводящим к закабалению отсталых стран и народов, Гегель в принципе относится отрицательно. «Освобождение колоний,— подчеркивает он,— оказывается величайшим благом для метрополии, подобно тому как освобождение рабов было величайшим благом для их господина»⁴⁶.

В разделе о гражданском обществе Гегель освещает также вопросы закона (положительного права), правосудия и деятельности полиции, хотя эта тематика в соответствии с принципом конкретизации понятия права должна была бы рассматриваться в той части «Философии права», где речь идет о государстве. Обоснование Гегелем такого изменения в структуре изложения приобретает социально-политическое звучание. Гегель исходит из того, что в сфере гражданского общества имеет место реальное функционирование собственности, сила которой должна найти свое подтверждение в защите собственности со стороны закона, суда и полиции. Эти институты призваны отстаивать всеобщие интересы данного строя.

Гегель обосновывает необходимость публичного оглашения законов, публичного судопроизводства и суда присяжных. Критикуя концепцию вседесущего полицейского государства, он вместе с тем не указывает границы полицейского вмешательства в частные дела. Высшие интересы гражданского общества, охраняемые законодательством, судом и полицией, ведут по логике развития понятия права за пределы этой сферы — в область государства.

Гражданское общество и государство, по гегелевской концепции, соотносятся как рассудок и разум: гражданское общество — это «внешнее государство», «государство нужды и рассудка»⁴⁷, а подлинное государство — разумно. Поэтому в философско-логическом плане гражданское общество расценивается Гегелем как момент государства, как то, что «снимается» в государстве.

⁴⁶ Наст. изд. С. 274.

⁴⁷ Наст. изд. С. 228.

Развитие гражданского общества уже предполагает, по Гегелю, наличие государства как его основания. «Поэтому в действительности,— подчеркивает он,— государство есть вообще *первое*, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента...»⁴⁸ В государстве, наконец, достигается тождество особенного и всеобщего, нравственность достигает своей объективности и действительности как органическая целостность.

Гражданское общество в трактовке Гегеля — это опосредствованная трудом система потребностей, покоящаяся на господстве частной собственности и всеобщем формальном равенстве людей. Формирование такого общества, которого не было в античности и в средневековье, связано с утверждением буржуазного строя. Гегель подметил этот существенный факт новейшего социально-экономического развития и применил его к проблемам государства, права, политики. Весьма содержательно Гегель анализирует роль труда в системе потребностей, социально-экономические противоречия, поляризацию богатства и нищеты, частнособственнический характер общества, роль законодательства, суда и публичной власти в защите частной собственности и т. д. К теоретическим заслугам Гегеля относится также четкая принципиальная постановка вопроса именно о взаимосвязи социально-экономической и политической сфер гражданского общества и государства, о необходимом, закономерном, диалектическом характере этих связей и соотношений.

Государство реализует, по Гегелю, идею разума, свободы и права, поскольку идея и есть осуществленность понятия в формах внешнего, наличного бытия. «...Государство,— пишет Гегель,— это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю»⁴⁹ Хотя Гегель и признает возможность плохого, дурного государства, которое лишь существует, но не действительно, не обладает внутренней необходимостью и разумностью, однако оно остается вне рамок его философии права, исходящей из идеи государства, т. е. действительного разумного государства.

Гегелевская идея государства, таким образом, представляет собой правовую действительность, в иерархической структуре которой государство, само будучи наиболее

---

⁴⁸ Наст. изд. С. 278.

⁴⁹ Наст. изд. С. 284.

конкретным правом, предстает как правовое государство. Свобода (в ее гегелевской трактовке) означает достигнутость такой ситуации правового государства.

Наличие идеи государства Гегель констатирует лишь применительно к развитым европейским государствам современной ему исторической эпохи, в которых реализована христианская идея свободы (предпочтительно — в ее протестантской форме), достигнуты личная независимость и равенство всех перед законом, учреждены представительство и конституционное правление. В социально-политическом отношении под гегелевской идеей государства подразумевается конституционно оформленное государство. Гегелевские представления о таком государстве в конкретно-историческом плане отражают ряд существенных характеристик буржуазной государственности в Англии и Франции. В тогдашней Германии (и, в частности, в Пруссии) были полуфеодальные-полубуржуазные общественные и государственно-правовые порядки, причем Гегель сам неоднократно подчеркивал, что преодоление феодальных институтов и отношений в Германии протекало под французским влиянием (всемирно-историческое значение французской буржуазной революции, прогрессивные, антифеодальные мероприятия Наполеона в Германии). По существу Прусское государство того времени находилось ниже уровня обоснованной Гегелем идеи государства, и в суждениях Гегеля по этой теме — весьма щекотливой и деликатной для профессора Прусского королевского университета, — в признании данного факта отчетливо проявляется его надежда на постепенное прогрессивное преобразование существовавших порядков в буржуазном направлении. Применительно к Пруссии, да и к другим тогдашним немецким государствам гегелевская идея государства была идеей скорее в кантовском, чем в гегелевском, смысле — долженствованием, а не действительностью⁵⁰.

В своей концепции государства Гегель синтезирует платоновско-аристотелевскую мысль о государстве как субстанциальном и целостном нравственном организме (первичность полиса перед индивидом) с опытом христианства, Реформации, французской революции, в особенности с ее признанием индивидуальных прав и свобод, равен-

⁵⁰ О гегелевском подходе к проблематике реформы и революции см.: Klenner H. Preußische Eule oder galischer Hahn? Hegels Rechtsphilosophie zwischen Revolution und Reform // Staat und Recht. 1981. N 11.

ства всех перед законом. Государство как нравственное целое в трактовке Гегеля — не агрегат атомизированных индивидов с их обособленными правами, не мертвый механизм, а живой организм. Поэтому у Гегеля речь идет не о свободе, с одной стороны, индивида, гражданина, а с другой — государства, не о противостоянии их автономных и независимых прав и свобод, а об органически целостной свободе — свободе государственно организованного народа (нации), включающей в себя свободу отдельных индивидов и сфер народной жизни.

В гегелевском разумном государстве диалектически иерархизированная система прав и свобод индивидов, их объединений, общества, государства и его органов функционирует как органический процесс: диалектическому «снятию» абстрактного в конкретном соответствует соподчиненность отдельного органа организму в целом, а моменту «удержания» — функциональная роль такого органа в контексте всего организма. В то же время все отношения в гегелевской концепции правового государства-организма опосредованы правом, носят правовой характер.

Различные трактовки государства в гегелевской философии права: государство как идея свободы, как конкретное и высшее право, как правовое образование, как единый организм, как конституционная монархия, как «политическое государство» — являются взаимосвязанными аспектами единой идеи государства.

В философии права Гегеля античная мысль о полисном правлении (о полисе-государстве как высшей и совершенной форме общения) синтезируется с доктриной «господства права»; результатом этого синтеза является гегелевская концепция правового государства. Поскольку у Гегеля само государство есть правовое образование (конкретное право), а различные права и свободы действительны лишь на базе и в рамках государства, гегелевская концепция права и государства представляет собой специфический эратистский вариант буржуазной доктрины «господства права». Подобно тому как у Платона и Аристотеля только полисная форма общности обеспечивает справедливость и право (право как норма политической справедливости), так и у Гегеля свобода, право, справедливость действительны лишь в государстве, соответствующем идеи государства⁵¹.

⁵¹ О соотношении взглядов Гегеля, Платона и Аристотеля см.: Enskat R. Die Hegelsche Theorie des praktischen Bewußtseins. Frankfurt am Main, 1986. S. 5—7..

Гегелевская эстатистская версия правового государства существенно отличается как от концепций демократизма (суверенитет народа) и либерализма (индивидуализм, независимость или даже приоритет прав и свобод личности в соотношении с правами государства), так и от различных архаических и новейших деспотических форм правления, в которых господствуют произвол и насилие, а не конституция, право и закон.

Согласно Гегелю, античное представление о государстве у Платона, Аристотеля субстанциально, но лишено момента субъективности воли и индивидуальной свободы, в воззрениях же Руссо, напротив, отсутствует субстанциальный взгляд на государство. Гегелевский синтез субъективной и объективной воли, субстанциального и индивидуального исходит из того, что государство как субстанциальное нравственное целое, первичное по отношению к своим составным моментам, и есть разумная в себе и для себя всеобщая воля. Однако этот синтез в целом осуществлен в гегелевской концепции путем подчинения государству других субъектов социальной и политической жизни.

Идея государства, по Гегелю, проявляется трояко: 1) как непосредственная действительность в виде индивидуального государства (речь тут идет о государственном строе, внутреннем государственном праве); 2) в отношениях между государствами как внешнее государственное право и 3) во всемирной истории.

Государство как действительность конкретной свободы есть индивидуальное государство. В своем развитом и разумном виде такое государство представляет собой, согласно гегелевской трактовке, основанную на разделении властей конституционную монархию.

Тремя различными властями, на которые подразделяется политическое государство, как полагает философ, являются: законодательная власть, правительенная власть и власть государя.

В Новое время начало теоретической разработки проблемы разделения властей восходит к Локку и Монтескье. Гегель, в целом соглашаясь с идеей своих предшественников, считает надлежащее разделение властей в государстве гарантией публичной свободы. Вместе с тем он расходится с ними в понимании характера и назначения такого разделения властей, их состава. Гегель считает точку зрения самостоятельности властей и их взаимного ограничения ложной, поскольку при таком подходе предполагается враждебность каждой из властей к другим, их

взаимные опасения и противодействия. Он выступает за такое органическое единство различных властей, при котором все власти исходят из мощи целого и являются его «текущими членами». В господстве целого, в зависимости и подчиненности различных властей государственному единству и состоит, по Гегелю, существование внутреннего суверенитета государства.

Гегель критикует демократическую идею народного суверенитета и обосновывает суверенитет наследственного конституционного монарха. Поясняя характер компетенции монарха, он отмечает, что в благоустроенной конституционной монархии объективная сторона государственного дела определяется законами, а монарху остается лишь присоединить к этому свое субъективное «я хочу»⁵².

Правительственная власть, куда Гегель относит и власть судебную, определяется им как власть, которая подводит *особенные* сферы и отдельные случаи под всеобщее. Задача правительственной власти — выполнение решений монарха, поддержание существующих законов и учреждений. Члены правительства и государственная чиновничья бюрократия характеризуются Гегелем как главная составная часть среднего сословия, в которой сосредоточены государственное сознание и образованность. Восхваляя чиновничество, Гегель считает его главной опорой государства «в отношении законности и интеллигентности»⁵³.

Законодательная власть, по характеристике Гегеля, — это власть определять и устанавливать всеобщее. Две палаты составляют законодательное собрание. Палата пэров формируется по принципу наследственности и состоит из владельцев майоратного имения. Палата же депутатов образуется из остальной части гражданского общества, причем депутаты выделяются по корпорациям, общинам, товариществам и т. п., а не путем индивидуального голосования.

Гегель отстаивает принцип публичности прений в палатах сословного собрания, свободу печати и публичных сообщений.

Применительно к конкретно-историческому аспекту гегелевского учения следует отметить, что в условиях полуфеодальной Германии философ при всей умеренности и компромиссности его взглядов занимал исторически прогрессивные позиции, обосновывал необходимость буржуаз-

⁵² Наст. изд. С. 319.

⁵³ Там же. С. 336.

ных преобразований, был сторонником конституционной монархии и законности прав и свобод личности, частной собственности и свободы договоров, суда присяжных.

Высший момент идеи государства, по Гегелю, представляет собой идеальность суверенитета. Государства относятся друг к другу как самостоятельные, свободные и независимые индивидуальности. Субстанция государства, его суверенитет выступают как абсолютная власть идеального целого над всем единичным, особенным и конечным, над жизнью, собственностью и правами отдельных лиц и их объединений. В вопросе о суверенитете речь идет о действительности государства как свободного и нравственного целого. В этом, по мнению Гегеля, состоит «нравственный момент войны», которую «не следует рассматривать как абсолютное зло и чисто внешнюю случайность...»⁵⁴. Гегель предупреждает, что развивающиеся им взгляды на необходимость и нравственный момент войны представляют собой лишь философскую идею, тогда как действительные войны нуждаются в более конкретном рассмотрении. Обнаруживаемая и спасаемая благодаря войне идеальность целого есть та же самая идеальность, согласно которой внутренние государственные власти, не будучи самостоятельными, являются лишь органическими моментами государственного целого: и в том и в другом случаях речь идет о суверенитете государства (внешнем и внутреннем).

Гарантией независимости государства, по Гегелю, являются его вооруженные силы, развитое состояние которых представляет собой постоянную армию. Сферу межгосударственных отношений Гегель трактует как область проявления внешнего государственного права. Международное право — это, по Гегелю, не действительное право, каковым является внутреннее государственное право (положительное право, законодательство), а лишь дополнение. Какова же будет действительность этого дополнения, зависит от суверенных воль различных государств, над которыми нет высшего права и судьи в обычном смысле этих понятий. Полагая, что государства находятся в отношении друг друга в естественном состоянии, Гегель вместе с тем не отрицает сам принцип международного права и, следовательно, саму возможность правовых, договорных отношений между государствами. Государства должны признавать друг друга в качестве суверенных и

---

⁵⁴ Наст. изд. С. 359.

независимых, не вмешиваться во внутренние дела другого, взаимно уважать самостоятельность и т. п. «Принцип международного права как всеобщего, которое в себе и для себя должно быть значимым в отношениях между государствами, состоит, в отличие от особенного содержания позитивных договоров, в том, что договоры, на которых основаны обязательства государств по отношению друг к другу должны выполняться»⁵⁵.

Спор между государствами, если их суверенные воли не приходят к согласию, подчеркивает Гегель, может быть решен лишь войной. С этих позиций Гегель критикует кантовскую идею вечного мира, поддерживаемого союзом государств. Вместе с тем философ признает, что даже в войне как состоянии бесправия и насилия продолжают действовать такие принципы, как взаимное признание государств, преходящий характер войны и возможность мира. «...Война вообще,— писал Гегель,— ведется не против внутренних институтов и мирной семейной и частной жизни, не против частных лиц»⁵⁶. Он считает, что новейшие войны ведутся более человечно, чем в прежние времена.

В столкновении различных суверенных воль и через диалектику их соотношения выступает, по Гегелю, всеобщий мировой дух, который обладает наивысшим правом по отношению к отдельным государствам (духам отдельных народов) и судит их. Вслед за Шиллером Гегель характеризует всемирную историю как всемирный суд.

Всемирная история как прогресс в сознании свободы представляет собой по существу историю суверенных государств (нравственных субстанций), историю прогресса в государственных формированиях. В соответствии с этим всемирная история распадается, по Гегелю, на четыре всемирно-исторических мира: восточный, греческий, римский и германский. Им соответствуют следующие формы государств: восточная теократия, античная демократия и аристократия, современная конституционная монархия. «Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны»⁵⁷.

Носителем мирового духа является господствующий на данной ступени истории народ, который получает единст-

⁵⁵ Наст. изд. С. 336.

⁵⁶ Там же. С. 368.

⁵⁷ Гегель. Философия истории. С. 98.

венную возможность составить эпоху всемирной истории. Все Новое время, начавшееся Реформацией, Гегель считает эпохой германской нации, под которой он имеет в виду не только немцев, но скорее вообще народы Северо-Западной Европы. Славянские народы, в том числе и народы России, а также народы Соединенных Штатов Северной Америки, по оценке Гегеля, еще не успели обнаружить себя во всемирной истории. В своих взглядах на всемирную историю и место различных государств в прогрессе свободы Гегель, конечно, возвеличивал германские народы и в угоду своей схеме преувеличивал, в частности, степень буржуазной развитости Пруссии и других немецких государств. Однако ни в его «Философии права», ни в «Философии истории» не утверждается, будто современная ему Пруссия является вполне развитым, а тем более завершающим этапом всемирной истории⁵⁸.

Известная некритичность и приукрашивание существовавших реалий диктовались уже общеметодологическими установками гегелевского объективного идеализма: конституирование целостной философской системы, исходящей из принципа тождества мышления и бытия, действительного и разумного, неизбежно вынуждало преувеличивать степень совершенства и разумности современной философии немецкой действительности. Гегелевская концепция «разумного государства» в виде конституционной монархии была философским обоснованием политico-правовой программы исторически прогрессивных преобразований в тогдашней полуфеодальной Германии. «Наконец,— писал Ф. Энгельс,— и немецкая философия, этот наиболее сложный, но в то же время и надежнейший показатель развития немецкой мысли, встала на сторону буржуазии, когда Гегель в своей «Философии права» объявил конституционную монархию высшей и совершеннейшей формой правления. Иными словами, он возвестил о близком пришествии отечественной буржуазии к власти»⁵⁹. Это же имел в виду и К. Маркс, когда характеризовал гегелевскую философию права как «немецкий мысленный образ современного государства...»⁶⁰.

В конкретно-историческом плане политически прогрессивный характер гегелевского учения при всей его умерен-

⁵⁸ См.: Maurer R. K. Hegel und das Ende der Geschichte. Friburg; München, 1980; Brauer O. D. Dialektik der Zeit. Untersuchungen zu Hegels Metaphysik der Weltgeschichte. Tübingen, 1982.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 16.

⁶⁰ Там же. Т. 1. С. 421.

ности и компромиссности не подлежит сомнению. Поэтому очевидна несостоятельность имевшей ранее хождение оценки философии Гегеля (в том числе и его философии права) в качестве «аристократической реакции», по существу зачислившей ее в разряд феодальных доктрин.

Сконструированное Гегелем разумное государство, являющееся в конкретно-историческом плане буржуазной конституционной монархией, в философско-правовом плане представляет собой право в его системно-развитой целостности, т. е. правовое государство. С точки зрения всемирно-исторического прогресса в сознании свободы такое государство трактуется Гегелем как наиболее полная и адекватная объективация свободы в государственно-правовых формах наличного бытия. Таким образом, Гегель восхваляет государство как идею (т. е. действительность) права, как правовое государство, как такую организацию свободы, в которой механизм насилия и аппарат политического господства опосредованы и обузданы правом, введены в правовое русло, функционируют лишь в государственно-правовых формах. В этом его радикальное отличие как от обычных эстатистов, возвышающих государство над правом, отвергающих всякое правовое ограничение государственной власти и саму идею правового государства, так и от тоталитаристов всякого толка, которые видят в организованном государстве и правопорядке лишь препятствие для политического механизма насилия и террора.

В связи с распространенными в западной литературе оценками гегелевской позиции как тоталитарной следует отметить, что обоснованный философом своеобразный правовой этатизм является противоположностью ошибочно итенденциозно приписываемому ему тоталитаризму⁶¹. В гегелевском этатизме правомерно видеть не идеологическую подготовку тоталитаризма, а авторитетное философское предупреждение о его опасностях. Ведь тоталитаризм XX в., рассмотренный с позиций гегелевской философии государства и права, — это антиправовая и антигосударственная форма организации политической власти,

⁶¹ Обвинение подобного рода см.: *Racsel B.* История западной философии. М., 1959. С. 754—760; *Hommes J.* Krise der Freiheit. Hegel, Marx, Heidegger. Regensburg, 1958; *Popper K. R.* Die offene Gesellschaft und ihre Feinde. Bd 2. Hegel, Marx und die Folge. München, 1977; *Schmitt H.* Verheissung und Schrecken der Freiheit. Stuttgart, 1964. S. 246—261; *Edlin G.* Hegel als Kriegsverherrlicher und totalitärer Denker// *Schweizer Rundschau*. 1967. 1 Januar. S. 40—44; *Topitsch E.* Die Sozialphilosophie Hegels als Heilslehre und Herrschaftsideologie. München, 1981.

модернизированный деспотизм. Осмысление гегелевской концепции государства в контексте опыта и знаний XX в. о тоталитаризме позволяет понять взаимоисключающую противоположность государственности и тоталитаризма. В этом смысле можно уверенно сказать: этатизм против тоталитаризма⁶². Такая позиция не отрицает недостатки гегелевского этатизма: возвышение государства над индивидами и обществом в целом, отрицание либеральной концепции автономии личности. Однако с точки зрения идей правовой государственности существенно отметить то, что принцип суверенности государства, признаваемый гегелевским и иным этатизмом, является по существу одновременно и правовым требованием, необходимым условием для любой концепции и практики существования права и правового государства. Тоталитаризм же во всех его вариантах и проявлениях — это как раз отрицание данного принципа суверенности государства, подмена государственных форм и необходимо связанных с ними правовых норм, процедур иными, экстраординарными, опирающимися на прямое насилие или угрозу его применения властными структурами, институтами, нормами. Свою неполноценность тоталитаризм как узурпация, подмена и извращение суверенной государственной власти компенсаторно прикрывает выхолощенными, по преимуществу вербальными конструкциями и формами, имитирующими государственно-правовой порядок. Но эта внешняя государственно-правовая атрибутика (все эти традиционные государственные названия властно-приказных учреждений, юридические наименования произвольных принудительных актов) не меняет сути дела — принципиальной несовместимости тоталитаризма с началами права, с идеей и практикой государственного суверенитета, а тем самым и с этатизмом. И именно тоталитаризм, а не этатизм, как нередко ошибочно считают, является радикальным отрицанием прав и свобод личности, независимости и самостоятельности гражданского общества, которое в условиях тоталитаризма полностью политизируется и идеологизируется, лишается самостоятельности, разрушается и «поглощается» тоталитарной системой.

Согласно гегелевской диалектике понятия права, движению от абстрактных форм права к конкретному праву государственного целого, находящему свое идеальное вы-

⁶² См.: Нерсесянц В. С. Гегелевская диалектика права: этатизм против тоталитаризма // Вопросы философии. 1975. № 11. С. 145—150.

ражение в суверенитете, насилие и произвол представляют собой рецидив исторически и логически преодоленной несвободы и бесправия, неразумное и неправомерное проявление тех или иных моментов органической нравственной целостности.

Философско-правовое учение Гегеля оказало огромное влияние на последующую историю политico-правовой мысли. Гегелевская философия, как подчеркивали основоположники марксизма, давала довольно широкий простор для обоснования как консервативных, так и критических, оппозиционных взглядов. Это было наглядно продемонстрировано в последующей истории гегельянства и трактовок гегелевской философии права с различных идеино-теоретических позиций⁶³.

* * *

Выдающаяся роль, которую сыграла «Философия права» (вместе со всей гегелевской философией) в процессе формирования и эволюции взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса в начале их творческого пути, а также в процессе становления и развития марксизма, содержательное богатство этого произведения обусловили интерес к нему советских исследователей на протяжении многих десятилетий.

В 20-е годы при освещении гегелевской тематики в советской печати главное внимание уделялось уяснению роли гегелевской философии как одного из теоретических источ-

⁶³ Об основных направлениях современных интерпретаций гегелевской философии права в западной литературе см.: *Hegel-Bilanz. Zur Aktualität der Philosophie Hegels*. Hrsg. von R. Heede und J. Ritter. Frankfurt am Main, 1973; *Hegel in der Sicht der neueren Forschung*. Hrsg. von I. Fettscher. Darmstadt, 1973; *Hegel's Political Philosophy*. Ed. by Z. A. Pelczynski. Cambridge, 1974; *Materialien zu Hegels Rechtsphilosophie*. Hrsg. von M. Riedel. Bd 1, 2. Frankfurt am Main, 1975; *Avineri S. Hegels Theorie des modernen Staates*. Frankfurt am Main, 1976; *Beyer R. Hegel — Der Triumph des neuen Rechts*. Hamburg, 1981; *Hegel et la philosophie du Droit*. Paris, 1979; *Riedel M. Zwischen Tradition und Revolution. Studien zu Hegels Rechtsphilosophie*. Stuttgart, 1982; *Kant oder Hegel?* Hrsg. von D. Henrich. Stuttgart, 1983; *Mayinger J. Hegels Rechtsphilosophie und ihre Bedeutung in der Geschichte der marxistischen Staats- und Gesellschaftslehre*. Bonn, 1983; *Hegels Rechtsphilosophie im Zusammenhang der europäischen Verfassungsgeschichte*. Hrsg. von H. Ch. Lucas und O. Föggeler. Tübingen, 1986; *Anspruch und Leistung von Hegels Rechtsphilosophie*. Hrsg. von Ch. Jermann. Stuttgart, 1987; *Dietl P. G. Die Rezeption der Hegelschen «Rechtsphilosophie» in der Sowjetunion*. Frankfurt am Main, 1988.

ников марксизма, отношению Маркса, Энгельса и Ленина к учению Гегеля, сопоставлению идеалистической и материалистической диалектики⁶⁴. Изучая Гегеля, исследователи касались также ряда вопросов идеологического, политico-правового характера, таких, например, как социально-классовые корни, идеологический характер и политическое содержание гегелевской философии, смысл идеино-теоретической борьбы между представителями марксистского подхода к Гегелю и неогегельянцами.

В плане изучения и анализа политico-правовых произведений Гегеля, и прежде всего его «Философии права», большое значение имело то обстоятельство, что уже в 20-е годы ряд исследователей обращают внимание не только на негативные моменты философии права Гегеля, но и на исторически прогрессивные аспекты гегелевского учения об обществе, государстве и праве, на роль и значение гегелевской диалектики общественно-политической жизни в процессе генезиса историко-материалистического подхода к данной проблематике.

Следует при этом иметь в виду, что многие исследователи (и не только в 20-е, но также и в 30—40-е годы), положительно оценивая некоторые моменты гегелевского диалектического метода, его «рациональное зерно» и резко критикуя его систему, в тех редких случаях, когда они обращались к «Философии права» или вообще к политической и правовой теории Гегеля, трактовали их преимущественно как лишенное диалектичности концентрированное выражение негативных черт гегелевской системы.

При таком механистическом разделении и противопоставлении метода и системы политico-правовое учение Гегеля автоматически оказывалось частью «реакционной» системы, противостоящей «прогрессивному» методу. Очевидно, что лишь после преодоления таких односторонних и механистических представлений о соотношении метода и системы в философии Гегеля можно было верно оценить характер и содержание его философии права, уяснить своеобразие гегелевской диалектики социально-политических явлений, познать специфику диалектики в «Философии права» по сравнению с диалектикой в «Науке логики» и т. п.

⁶⁴ См.: Богданов Б. В. Из истории исследования идей Гегеля в советской философской науке // Философские науки. 1971. № 1. С. 121—131; Суворов Л. Н. Гегель и философские дискуссии 20-х годов // Философские науки. 1971. № 5. С. 142—149.

Первые шаги в этом направлении были сделаны уже в 20-е годы. Так, А. М. Деборин, отмечая, что Гегель пользовался диалектическим методом не только при анализе общефилософских проблем, но и в своей социальной философии, писал: «...не только метод Гегеля, но и определенные, необходимо связанные с методом результаты его исследования в области общественных наук не прошли бесследно для Маркса»⁶⁵. При этом Деборин имел в виду, в частности, высокую оценку Марксом гегелевской «Философии права», роль данного произведения в процессе формирования политico-правовых взглядов Маркса.

Другой исследователь тех лет, К. Милонов, критикуя нигилистическое отношение к учению Гегеля, наряду с «политической реакционностью» его подчеркивал, что Гегель «учит диалектике общественной жизни... И именно марксисты должны показать, что Гегель, несмотря на весь свой идеализм, значительно ближе нам, чем любому оттенку политического, философского и всякого прочего мракобесия»⁶⁶. Милонов акцентировал внимание, в частности, на том, что исследование проблем гегелевской диалектики общественной жизни существенно необходимо для глубокого изучения и понимания взглядов В. И. Ленина, в том числе на политику.

Интерес к гегелевскому политическому учению в его соотношении с марксистской теорией государства и права заметно оживился в связи с опубликованием в 1927 г. впервые на языке оригинала рукописи К. Маркса «К критике гегелевской философии права» под редакцией и с предисловием Д. Б. Рязанова. Политико-правовые аспекты этой работы были обстоятельно освещены И. П. Разумовским⁶⁷. В поле его внимания как проблемы оценки самой гегелевской философии права (ее диалектическая методология, буржуазный социально-классовый характер, черты

⁶⁵ Деборин А. Маркс и Гегель // Под знаменем марксизма. 1923. № 8—9. С. 6. В дальнейшем Деборин, видимо под влиянием критики отхода от этих положений, писал: «Во многих отношениях он (марксизм.— В. Н.) представляет собой полный разрыв с прошлым. Мы имеем в виду прежде всего учение марксизма о государстве, вообще его политическую философию» // Деборин А. М. Социально-политические учения нового времени. Т. I. М., 1958. С. 10. Этот тезис о «полном разрыве» методологически ошибочен, исторически и фактически неверен.

⁶⁶ Милонов К. Необходим ли нам Гегель? // Под знаменем марксизма. 1925. № 7. С. 61—62.

⁶⁷ См.: Разумовский И. П. Маркс и гегелевская философия права. (О вновь опубликованной работе Маркса) // Революция права. 1928. № 1. С. 59—84; № 2. С. 57—66.

компромисса нового со старым в системе гегелевских политических взглядов), так и обширная тема генезиса марксистского учения о государстве и праве (роль и место гегелевской философии права в процессе этого генезиса, сопоставление философских и политических взглядов молодого Маркса, Гегеля и Фейербаха).

Специально этой теме была посвящена и статья А. Макарова⁶⁸. Раскрывая значение критики Марксом гегелевской «Философии права» в качестве важного этапа формирования диалектико-материалистического учения о государстве и праве, Макаров писал, что это произведение Гегеля было закономерным итогом его теоретической деятельности в качестве идеолога немецкой буржуазии и представляет собой вершину домарковой социологии и буржуазной государственно-правовой теории.

Большая серия журнальных публикаций в начале 30-х годов была приурочена к 100-летию со дня смерти Гегеля⁶⁹. Положительные оценки революционных черт диалектического метода Гегеля сочетаются в этих статьях с резкой критикой его политической доктрины и государственно-правовых взглядов. Подчеркивая буржуазный характер гегелевского политического учения, их авторы (Ф. Горюхов, В. Ральцевич) в то же время в других своих оценках этого учения упускали из виду, что философское обоснование и отстаивание Гегелем буржуазного учения о государстве и праве (при всей его половинчатости и компромиссности) в условиях современной философии полуфеодальной Германии было по существу исторически прогрессивным, а не реакционным явлением, отвечало требованиям буржуазного преобразования существовавших общественно-политических порядков, отвергало, а не освящало феодальную государственность. Отсюда, в частности, ряд противоречивых суждений этих авторов о политическом характере гегелевского учения.

Специально анализу политico-правовых взглядов Гегеля была в это время посвящена статья Е. Б. Пащуканиса⁷⁰.

⁶⁸ См.: Макаров А. К. Маркс и его критика «Философии права» Гегеля // Под знаменем марксизма. 1938. № 4. С. 11–21.

⁶⁹ См.: Адоратский В. Гегель, Маркс и Ленин (Марксизм-ленинизм и гегелевская диалектика) // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 6–22; Горюхов Ф. Философско-исторические взгляды Гегеля и исторический материализм (Там же. С. 54–85); Ральцевич В. Гегель как идеолог буржуазии (Там же. С. 86–106).

⁷⁰ См.: Пащуканис Е. Гегель. Государство и право (К столетию со дня смерти) // Советское государство и революция права. 1931. № 8. С. 16–32.

Расценивая гегелевскую государственно-правовую теорию в качестве вершины буржуазной политической мысли, он отмечает у Гегеля не только обожествление государства, но и глубокое учение о гражданском обществе, о буржуазных правах и свободах.

В своем анализе ряда историко-диалектических положений «Философии права» (в частности, § 185, где речь идет о внутренних противоречиях гражданского общества) Пашуканис отмечает «зачатки материалистического учения о государстве» у Гегеля, говорит о том, что «классовая теория государства уже стоит на пороге»⁷¹. Эти характеристики представляли собой конкретизацию применительно к гегелевской философии права известного ленинского положения о наличии в философии Гегеля зачатков исторического материализма.

Большое внимание в 20—30-е годы уделялось неогегельянским интерпретациям учения Гегеля. Этой проблематике была специально посвящена книга М. Аржанова⁷². Критикуя взгляды ведущих неогегельянцев (И. Пленге, Г. Лассона, Ю. Биндера, Э. Гирша, Д. Джентиле и др.), М. Аржанов, кроме того, предпринял попытку проследить некоторые важные вехи становления и укрепления традиций реакционных и милитаристских интерпретаций гегелевской философии права в литературе XIX и начала XX в. Следует вместе с тем отметить, что и в книге Аржанова, и в большинстве журнальных публикаций 20—40-х годов в ходе критики социально-политических идей неогегельянства зачастую не проводится необходимая, принципиальная и последовательная дифференциация между положениями собственно гегелевской «Философии права» (о соотношении силы и права, роли государства, войне и международном праве, нациях и др.) и их неогегельянскими интерпретациями.

С более верных позиций оценка учения Гегеля в 30—40-е годы была дана М. Каммари и В. Ф. Асмусом⁷³.

Большим событием в истории нашего гегелеведения стало издание в 1934 г. «Философии права» на русском

⁷¹ Там же. С. 28.

⁷² См.: Аржанов М. Гегельянство на службе германского фашизма. М., 1933.

⁷³ См.: Каммари М. «Философия права» Гегеля // Под знаменем марксизма. 1935. № 2. С. 26—56; Асмус В. Ф. Фашистская фальсификация классической немецкой философии. М., 1942.

языке⁷⁴. В «Предисловии» Института философии Комакадемии «Философия права» характеризовалась как одно из важнейших сочинений Гегеля, изучение и исследование которого необходимо для лучшего понимания сильных и слабых сторон его по существу буржуазной политики-правовой доктрины, глубокого освещения генезиса материалистической диалектики, диалектико-материалистического учения об обществе, государстве и праве, аргументированной критики политической идеологии неогегельянства.

В этом «Предисловии» содержалось и положение о том, что изучение «Философии права» будет способствовать «более глубокому пониманию философии марксизма, которая имеет одним из своих истоков гегелевскую философию, составной частью которой является «Философия права»»⁷⁵. Данное положение обосновывалось и в статьях Л. Германа.

С критикой такого подхода выступил М. Аржанов, полагавший, что указанный тезис «затушевывает принципиально различное отношение Маркса — Энгельса, марксизма-ленинизма к методу и системе гегелевской философии», поскольку «в действительности Маркс воспринял диалектический метод Гегеля, материалистически его переработав, преодолев и отвергнув гегелевскую систему, в частности и в особенности его систему взглядов на право и государство»⁷⁶.

В подходе Аржанова, ставившем под сомнение наличие диалектики в «Философии права», рельефно отразился факт недостаточной разработанности в гегелеведении тех лет таких проблем, как соотношение метода и системы применительно к политico-правовым произведениям Гегеля, их место и роль в его совокупном творчестве, их значение в процессе формирования философских и политических взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. Этим, в частности, обусловлены имевшие тогда место (и не только у М. Аржанова) преувеличения «реакционности» «Философии права»,

⁷⁴ См.: Гегель. Философия права. Из статей, посвященных выходу этой работы, см.: «Предисловие» к ней Института философии Комакадемии (Там же. С. V — XV); Герман Л. Живое и мертвое в «Философии права» Гегеля // Под знаменем марксизма. 1934. № 2. С. 58—70; Он же. «Философия права» Гегеля // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 3. С. 97—98; Аржанов М. «Философия права» Гегеля // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 5—6. С. 127—128.

⁷⁵ См.: Гегель. Философия права. С. V.

⁷⁶ Аржанов М. «Философия права» Гегеля // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 5—6. С. 130.

суждения о том, что в «Философии права» «больше всего слабых, отрицательных сторон от системы» и что именно в ней нашли «свое наиболее яркое, резкое, стущенное отражение и воплощение консервативные, реакционные отрицательные стороны гегелевской философии»⁷⁷

Следует отметить, что в статье Аржанова наряду с такими общими отрицательными оценками содержались указания и на прогрессивные моменты гегелевской философии права (постановка вопроса об объективной закономерности общественных явлений и их взаимосвязи, учение об абстрактном праве и гражданском обществе). В целом гегелевская концепция государства расценивалась им в качестве буржуазной — «не буржуазно-демократической, а буржуазно-юнкерской»; Гегель же характеризовался в качестве философа прусского пути капиталистического преобразования Германии⁷⁸.

Более последовательно буржуазный смысл гегелевской философии права отстаивался в упомянутой статье М. Каммари, в которой подчеркивалась необходимость конкретно-исторического подхода к политическому учению Гегеля (учет социально-классовой, политической и идеологической обстановки в тогдашней Германии, ее внутреннего и внешнего положения и т. п.). От распространенных в то время представлений о Гегеле как апологете войны, шовинисте выгодно отличается анализ гегелевских суждений о войне и нации (требование Гегелем «правовой основы» для применения силы, признание им принципов и норм международного права, выступление против антисемитизма), данный М. Каммари.

В самом начале 40-х годов Гегель характеризовался в качестве прогрессивного буржуазного идеолога, отвергавшего феодальный строй и философски обосновывавшего разумность буржуазного общества и государства⁷⁹. Однако вскоре в связи с критикой выпущенного в 1943 г. Институтом философии АН ССРР III тома «Истории философии» было, в частности, отмечено, что в III томе «не подвергну-

⁷⁷ Там же. С. 127.

⁷⁸ См. там же. С. 127—128. Этот подход к политической оценке позиции Гегеля был в дальнейшем развит А. А. Пионтковским (см.: Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовноправовая теория. М., 1963. С. 428 и сл.).

⁷⁹ См.: О положении Гегеля «Все действительное разумно, все разумное действительно»: Консультация // Большевик. 1940. № 13. С. 62—65. См. также: Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина: Изд. 2. М., 1941. С. 38—40.

ты критике такие реакционные социально-политические идеи немецкой философии, как восхваление прусского монархического государства, возвеличение немцев как «избранного» народа, пренебрежительное отношение к славянским народам, апологетика войны, оправдание колониальной, захватнической политики и т. д.». Отмечалось также, что «авторы III тома необоснованно приписывают Гегелю распространение диалектики на общественную жизнь».⁸⁰

Но и в это время Гегель продолжает рассматриваться в качестве буржуазного идеолога. Несколько позже, в ходе обсуждения в 1947 г. работы Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», вся классическая немецкая философия стала характеризоваться как «аристократическая реакция на французскую революцию и французский материализм».

По смыслу этого тезиса представители немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель) оказывались не буржуазными, а феодальными, дворянскими идеологами. Ввиду фактической ошибочности такой оценки на дискуссии наряду с теми, кто прямо отстаивал тезис об «аристократической реакции», выступили философы М. Д. Каммари, Б. М. Кедров, Б. А. Чагин, Я. А. Мильнер, О. Л. Резников и др., которые предприняли попытку согласовать данный тезис с оценкой представителей классической немецкой философии как буржуазных, а не феодально-дворянских идеологов.

Тезис об «аристократической реакции» имел широкое хождение в литературе конца 40-х и первой половины 50-х годов и отрицательно сказался на исследованиях истории философской и политической мысли вообще, гегелевской «Философии права» в частности.

В 1947 г. вышла в свет работа А. А. Пионтковского «Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве». Хотя это произведение, естественно, не свободно от ряда распространенных в те годы односторонних и ошибочных положений (о гегелевском учении как «аристократической реакции», апологии войны и колониальной политики, о политической реакционности и

⁸⁰ О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. // Большевик. 1944. № 7–8. С. 16–17.

⁸¹ Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» // Вопросы философии. 1947. № 4. С. 47.

контрреволюционной сущности воззрений Гегеля и т. п.), однако ценная сторона его состояла в содержательном анализе действительных проблем гегелевской философии права в их конкретно-исторической перспективе.

Во второй половине 50-х годов появляется ряд публикаций, в которых были подвергнуты критике имевшие место ранее ошибки и недостатки при освещении взглядов классиков немецкой философии, в том числе Гегеля⁸²:

Критика и преодоление ошибочной формулы об «аристократической реакции», неверной по существу и вредной как общеобязательная установка, благотворно сказалась на всем советском гегелеведении и позволили от абстрактных оценок и характеристик, не опиравшихся на конкретный содержательный анализ учения Гегеля, перейти к собственно исследовательской работе в данной предметной области.

Для современных исследований характерны углубленный интерес к методологическим проблемам философии Гегеля, тесная связь с актуальной тематикой современной философии и юриспруденции, с реальными социально-политическими и идеологическими явлениями современности. Заметный рост удельного веса проблематики политico-правового характера во всем современном мировом гегелеведении стимулировал как развитие юридического гегелеведения, так и усиление внимания советских философов к политическим, правовым, этическим аспектам гегелевского учения⁸³.

⁸² См.: Галанза П. Н. Об оценке учения Гегеля о государстве и праве (К 125-летию со дня смерти Гегеля) // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 16–26; Хлебич И. К вопросу об оценке философского наследства Гегеля // Коммунист. 1956. № 17. С. 101–114; Пионтковский А. А. Вопросы государства и права в философии Гегеля // Проблемы истории философской и социологической мысли XIX в. М., 1960. С. 89–125; Он же. Политическая оценка гегелевской философии права // VI Международный гегелевский философский конгресс. М., 1968. С. 4–11. В 1963 г. вышла в свет работа А. А. Пионтковского «Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория» (М., 1963), в которой материал прежней монографии 1947 г. был переработан и дополнен с учетом новых условий и возможностей.

⁸³ Эти вопросы освещались советскими философами как в общих работах о Гегеле, так и в специальных исследованиях, посвященных анализу социально-исторических и этических концепций Гегеля, генезису его взглядов, истории гегельянства, формированию марксизма, связи гегелевского учения с современностью. Здесь мы имеем в виду, в частности, работы А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана, А. И. Володина, Б. М. Кедрова, Э. В. Ильинкова, В. Ж. Келле, М. А. Кисселя, В. И. Шинкарку, Ю. Ю. Вейнгольда, С. Ф. Одуева, Г. И. Ризза, В. В. Кепелавы, Н. И. Лапина, А. С. Богомолова, В. А. Малинина, Н. В. Мотрошиловой, И. А. Рау, А. Т. Дворцова, М. Ф. Овсянникова, М. А. Хевеши.

В советской научной литературе в последние десятилетия ставились вопросы политической характеристики гегелевского учения, его формирования и развития, проводился анализ соотношения философии права Гегеля с марксистской теорией государства и права, исследовался ряд кардинальных в методологическом и идеально-политическом плане гегелевских концепций (личность и государство, общество и государство, диалектика права и политики, конституционализм, разделение властей и правовое государство, воля и право, свобода — право — закон, мораль — нравственность — право, война и мир), а также освещалась специфика места и роли гегелевской философии в истории политических и правовых учений, проводился критический разбор истории гегельянства и современного состояния западного гегелеведения и т. д.⁸⁴

Значительную роль в обогащении источниковой основы исследований философско-правовых воззрений Гегеля сыграли перевод и издание на русском языке ряда политико-правовых работ Гегеля⁸⁵.

Некоторые совместные исследования и публикации, охватывающие проблематику философско-правового характера, были осуществлены гегелеведами СССР и ГДР⁸⁶.

Издание «Философии права» Гегеля, перевод и публикация новых источников впервые на русском языке по геге-

⁸⁴ Кечекьян С. Ф. Гегель и историческая школа права // Правоведение. 1967. № 1; Керимов Д. А. Гегелевский метод восхождения от абстрактного к конкретному и процесс познания правовых явлений // Правоведение. 1971. № 2; Маньковский Б. С. Учение Гегеля о государстве и современность. М., 1970; Мамут Л. С. Гегелевская концепция соотношения государства и личности // Проблемы государства и права на современном этапе. Вып. 7. М., 1973; Философия права Гегеля и современность. М., 1977; Нерсесянц В. С. Гегелевская философия права: история и современность. М., 1974; Он же. Гегель. М., 1979; Он же. Гегелевская диалектика политики // Вопросы философии. 1970. № 8; Он же. Диалектика внутренней и внешней политики в учении Гегеля // Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. М., 1982; Он же. «Философия права»: диалектика объективного духа // Философия Гегеля: Проблемы диалектики. М., 1987; Туманов В. А. Гегель и современная буржуазная философия права // Проблемы государства и права. Вып. 11. М., 1975; Фельдман Д. И., Баскин Ю. Я. Учение Канта и Гегеля о международном праве и современность. Казань, 1977; Щиглик А. И. Соотношение категорий «гражданское общество» и «государство» в «Философии права» Гегеля // VI Международный гегелевский философский конгресс. М., 1968.

⁸⁵ См.: Гегель. Политические произведения.

⁸⁶ См.: Dialektik, Staat, Recht. Berlin, 1976; Vom Mute des Erkennens: Beiträge zur Philosophie G. W. F. Hegel. Hrsg. M. Buhr, T. I. Oiserman. Berlin, 1981.

левской философии государства и права не только будут содействовать углублению научных разработок политико-правовых аспектов творческого наследия великого немецкого мыслителя-диалектика, но и, несомненно, окажут благотворное воздействие и на современные исследования в области философии права, теории государства и права, политологии, общей и правовой социологии, этики и ряда других научных дисциплин.

Гегель в Предисловии к «Философии права», говоря о том, что философия способна лишь понять, но не омолодить некую устаревшую форму жизни, уходящую в прошлое современность, сравнивает свою философию с совой Минервы, начинающей полет лишь с наступлением сумерек. По прошествии более полутора веков после начала своего полета эта птица, бившаяся в силах различных интерпретаций и горевшая в огне неугасающей критики, предстает уже в виде не совы Минервы, а скорее птицы Феникс. Она пережила много сумерек и рассветов, приобретая все новый и новый облик. Галерея этих обликов обширна, но не исчерпана, поскольку жизнь гегелевской философии права — в оценках, интерпретациях и иных многообразных связях с современностью — продолжается.

* * *

Настоящее издание помимо текста первого русского издания (старый перевод в необходимых случаях уточнен и обновлен) включает в себя также новый материал — «Приложение (новые источники по «Философии права»)», впервые публикуемое на русском языке.

Новый материал составляет около трети объема первого русского издания. Он состоит из заметок самого Гегеля и фрагментов лекционных записей его студентов (К. Грисхайма, К. Гомайера, Г. Гото, Д. Штрауса и др.). Эти новые материалы даны в виде отдельного раздела — «Приложения», чтобы не нарушать ставшую привычной для читателя структуру текста первого русского издания (как, впрочем, и многих зарубежных изданий) «Философии права». Таким образом, в настоящем издании общий корпус гегелевской «Философии права» включает в себя все структурные части текста издания 1934 г.: 1) Основной текст соответствующих параграфов «Философии права», 2) Примечания, 3) Прибавления и Приложение (новые источники по «Философии права»).

Новые материалы, даже в том ограниченном объеме,

в каком они представлены в настоящем издании, в целом значительно обогащают наши представления о содержании гегелевской философии общества, государства и права, позволяют «заглянуть» в творческую лабораторию философско-правовой мысли Гегеля и проследить ряд аспектов в ее эволюции, дают возможность сопоставить положения цензурированной книги с более свободными формами выражения авторской позиции (собственноручными заметками, лекциями), помогают лучшему, более конкретному и точному пониманию социальных, политических и правовых воззрений этого глубокого и сложного мыслителя. Перевод осуществлен с издания: *Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Nach der Ausgabe von Eduard Hans herausgegeben und mit einer Anhang versehen von Hermann Klenner. Berlin, 1981.*

B. C. Нерсесянц